

1
Государственная
ордена Ленина
Библиотека
СССР

МУРЗИКА

№-11

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

НОЯБРЬ
1949





Бабушкин пряник

Е. ШВАРЦ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Когда мама, папа и дедушка уходили на завод, Ваня отправлялся в детский сад, и бабушка провожала его.

От дома до детского сада было всего только три квартала. Но бабушка и внук старались закончить все дела и выйти из дому пораньше. Оба любили эти утренние прогулки. И не всегда шли они самым коротким путём. Иногда бабушка и внук добирались до детского сада только через час.

В эти утренние часы внук расспрашивал, а бабушка рассказывала.

Многие дети любят читать одни и те же книжки и рассматривать одни и те же картинки. А Ваня любил бабушкины рассказы, как знакомую книжку, и мог слушать их много раз подряд. Бабушка охотно рассказывала всё об одном и том же. Правда, рассказы её становились день ото дня всё больше, всё длиннее. Росли вместе с Ваней.

— Ну? — спросила бабушка. — Какой же дорогой пойдём мы с тобой сегодня?

— Длинной! — ответил Ваня.

— Это можно, — согласилась бабушка. — Погода хорошая, время раннее.

— Пойдём мимо твоего дома! — попросил Ваня.

— И это можно! — ответила бабушка.

Они завернули за угол и пошли, не спеша, к новому четырёхэтажному дому, который возвышался в конце улицы.

Бабушка говорила, что дом этот построен недавно, а Ваня считал, что стоит дом на этом месте с незапамятных времён. Сколько Ваня помнил себя, столько и этот дом стоит.

Бабушка и внук остановились возле подъезда высокого дома.

— Вот на этом месте и стоял домик, в котором вы жили? — спросил Ваня, и бабушка ответила ему:

— Здесь он и стоял. Вот, где первый подъезд. Где вход в детскую консультацию и в ясли.

— Здесь ты и родилась?

— Да. И родилась, и выросла, и замуж вышла.

— И папа мой родился здесь?

— И он тоже.

— Зайдём!

— Хорошо, зайдём, — согласилась бабушка, и они вошли в первый подъезд и остановились у широкой лестницы.

— И весь домик мог бы поместиться вот тут, в подъезде, от входной двери до лестницы? — спросил Ваня.

— Весь! — ответила бабушка и вздохнула. — Вот примерно здесь стояла русская печка. А вот здесь висела люлька, в которой спал твой папа, когда был маленький.

— Вот здесь?

— Вот здесь!

Ваня посмотрел на то место, где спал его папа, когда был маленький, и засмеялся.

— А тебе жалко было, когда ломали старые домишки? — спросил Ваня.

— Нет, — ответила бабушка. — Свои же люди ломали, заводские. Для того ломали, чтобы построить новый дом для нас, для заводских рабочих. Ну, пойдём, внучек! А то мы на дороге стоим, людям мешаем. Вон, видишь, мамаша идёт.

И бабушка, улыбаясь, посторонилась и пропустила на лестницу женщину с грудным ребёнком на руках.

И вот бабушка и внук снова вышли на улицу.

— Ну! — сказал Ваня. — Ну, бабушка, рассказывай! Рассказывай, как жила ты в домишке вашем, когда была девочкой. Ну, пожалуйста! Ну, бабушка... Как вы жили при царе?

Бабушка подумала, вздохнула и стала рассказывать.

* * *

— Плохо мы жили в нашем домишке при царе. Трудно. Конечно, мы, дети, бывало и веселились, и смеялись, и зимой бегали по речке на самодельных деревянных коньках, но зато и плакать нам приходилось так горько, как тебе, внучек, никогда не придётся. Один день вспоминаю я. Второе января.

— День твоего рождения? — спросил Ваня.

— Да, — ответила бабушка. — Только давний-давний. В тот день исполнилось мне всего только восемь лет. И сказал мне отец, уходя на завод:

— Ну, Лена, жди. Я тебе сегодня подарок принесу, к рождению.

Не помню уж, как этот день прошёл и наступил вечер. И побежала я за ворота встречать отца.

Стою я, жду. Уже ночь приближается. Совсем темно стало на улице. Во всех окнах засветились огни. А отца нет и нет. Но вот вижу я, наконец, идёт к нашему дому какой-то человек.

Я к нему. Кричу:

— Папаня! Папаня!

А он не отвечает.

И тут вдруг узнаю, что это не папаня, а друг его и товарищ Яков Иванович Ломов.

Я ему говорю:

— Здравствуйте, дядя Яша.

А он не отвечает.

Я говорю:

— Дядя Яша! Это я! Лена! Вы меня не узнали?

Молчит.

Я говорю:

— Дядя Яша! Вы на меня сердитесь?

А он только рукою отмахнулся и вздохнул.

Открыл он калитку, поднялся на крыльцо и стал ноги вытирать. Вытирает, всё вытирает, а в дом не идёт.

Как будто боится к нам войти.

И вдруг я поняла: беда случилась! С плохими вестями пришёл дядя Яша.

Распахнул он дверь, наконец, и в дом.

Я за ним.

Дрожу вся.

Мама поднялась дяде Яше навстречу.

А он шапку снял, а «здравствуйте» не говорит.

Уставился в пол. Молчит.

Мама поглядела на него, потом на меня, побелела, как мел, и спрашивает:

— Он помер?

— Что ты, что ты! — закричал дядя Яша. — Нет, нет! Живой!

А потом добавил тихо, с неохотой:

— Ушибло его сильно. Колесом задело. Сколько раз просили мы сетку возле колеса установить — отказывают хозяева. Расход лишний. Дрожат, проклятые, трясутся над каждой своей копейкой. Одним рабочим меньше, одним больше — это им не расчёт. Народу хватит.

Мама полушубок накинула, шалью обвязалась.



— Бежим! — говорит. — Он в больнице?

— В больнице.

Пошли они быстро, и вдруг, у самой двери, Яков Иванович задержался и поманил меня к себе.

Я подошла.

А он достал из кармана большой пряник, фигурный. Человек на коне. Человек и конь — коричневые, а поводья, седло, стремяна — белые. Сахаром облитые.

Достал дядя Яша пряник, подал мне и говорит:

— От отца подарок. К рождению. Он этот пряник по дороге на завод купил. Всё беспокоился, что забуду отдать. Бери скорее.

Мать шалью лицо прикрыла, чтобы я не увидела её слёз, опустила голову низко — и в дверь. Дядя Яша следом. И осталась я дома одна.

Села за стол, поближе к лампе.

Так тихо у нас в доме, так пусто! Некого мне больше сегодня ждать.

Вот тебе и рождение!

И заплакала я. Так заплакала горько, как тебе, внучек, никогда не придётся. И плакала я, всё плакала, пока не уснула, положивши голову на стол.

Просыпаюсь — рассвет за окном. В лампе синий огонёк над фитилём прыгает — кончился керосин. А мама ещё не вернулась.

Вскочила я, лампу задула, умылась, прибрала в комнате, печку растопила.

А пряник поставила на подоконник, прислонила к стеклу. Работаю и посматриваю на отцовский подарок.

Как вчера мы с мамой пообедали, так с тех пор я и не ела ничего.

Подошла я к окошку, взяла пряник.

Сейчас, думаю, поводья белые, сахарные, отломлю.

И не отломила.

Вот что я сделала.

Забралась я на табуретку и достала со шкафа картонную коробку. Хранились у меня в этой коробке все богатства: лоскутки разноцветные, картинки, глиняный петушок, серебряные бумажки из-под конфет. Разобрала я всё это добро и уложила на самое доньшко заветный пряник.

Решила я твёрдо: нельзя! Пока не вернётся отец из больницы — не трону я его подарка.

И не тронула!

А нам трудно пришлось, пока отец хворал, очень трудно, внучек. Тогда кому до нас было дело? Хозяину? У него один был закон: работай на меня. А заболел — живи, как знаешь. Вот мы и жили. Случались дни — сухой корки дома нет. Вспомнишь пряник в такие дни — и сами руки к табуретке тянутся. Так и толкает голод: лезь на шкаф, снимай коробку, бери отцовский подарок!

Раза два я так и делала. Достану коробку, взгляну на пряник — и обратно уложу. Свято берегла я его до отцова возвращения.

И вот уже весна пришла. Вечера стали светлые. Стою я в один такой вечер за воротами, жду маму. Ушла она в больницу

отца проведать. И вот вижу, возвращается мама весёлая, даже ростом как будто повыше стала.

А рядом с ней кто-то идёт, прихрамывая.

Ой, да ведь это он, он, папаня!

И тут бабушка опустила голову, прикрыла шалью лицо и замолчала. И Ваня молчал. Только поглядывал на бабушку.

И, наконец, бабушка сказала:

— Вот тебе и всё, внучек.

— А пряник? — воскликнул Ваня.

Бабушка улыбнулась.

— Вернулся, значит, мой папаня из больницы. И утром на другой день вышел он во двор погреться на весеннем солнышке. Я возле верчусь. То помогу ему трубку раскурить, уголёк принесу из печки, то шаль притащу, ноги ему укрою. А он только посмеивается, радуется, что домой вернулся. И вспомнил отец про свой подарок, спросил, понравился ли мне пряник.

Я бегом домой. Да на шкаф. Схватила коробку — и к отцу. Так, мол, и так — цел ваш подарок, папаня! Глядите!

Отец головою покачал.

Спрашивает:

— Хотела, чтобы у тебя хоть что-нибудь осталось об отце на память?

Я кивнула. Отец повеселел и приказал мне:

— А теперь кусай, грызи этот пряник. Он уже, небось, каменным стал. Не одолеешь?

— Что вы, папаня! — ответила я.

Раз, два — и нет отцова подарка!

Вот тебе и всё, внучек.

* * *

Некоторое время бабушка и внук шли молча. Каждый думал о своём. Но вот Ваня спросил:

— А в школу ты, значит, не пошла в этот день?

— Куда, куда? — удивилась бабушка.

— В школу! — повторил Ваня. — Так весь день и пробыла со своим папой?

Бабушка покачала головой и ответила:

— Не училась я тогда в школе.

— Как не училась? — удивился Ваня. — Ведь тебе было тогда уже восемь лет!

— Для нас, детей рабочих, тогда школ нехватало!

— А где же ты училась читать и писать? Откуда ты всё знаешь так хорошо?

— Учиться я пошла, внучек, много-много позже, уже при советской власти. Кончила я школу для взрослых.

— Ну ещё, бабушка! Ещё! — попросил Ваня. — Ещё рассказывай! Ну, посидели вы с папой на солнышке, а потом что? Ну, пожалуйста! Бабушка!

— А потом, — ответила бабушка, — стали мы жить да поживать. Вот тебе и всё.

Ваня вздохнул.

— Ты почему вздыхаешь? — спросила бабушка.

Ваня вздохнул ещё раз и ответил:

— Потому что когда про несчастья рассказывают, то говорят длинно. А как только несчастья кончаются, сейчас же: «Вот тебе и всё». Даже в сказках — и то: «Я там был, мёд, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!» И конец... Почему это?

Бабушка подумала и ответила:

— А по-моему, мы с тобою всю дорогу говорили длинно и подробно как раз про хорошее. Про то, что все несчастья прошли и никогда, никогда не вернутся.

И тут бабушка и внук подошли к детскому саду и попрощались до пяти часов.

